
Собрание сочинений. Том 5.

Государственное издательство художественной литературы. Москва, 1961.

OCR Кудрявцев Г.Г.

АЭРОДРОМ ПОД МОСКВОЙ

Здесь совершенно темно. Я не знаю, где запад и где восток. Видно только небо, покрытое легкими темными облачками. Я спрашиваю:

- Где Москва?

- Вы сейчас стоите к ней лицом, - отвечает голос, - скоро взойдет луна.

Я начинаю видеть кожаное пальто моего собеседника. Мы только что познакомились с ним и долго тыкали в воздух руками, прежде чем они соединились в рукопожатии. Рука у него теплая и твердая. Он майор, командир подразделения истребительной авиации.

- Выпейте пока чаю, - говорит майор.

- Успею ли я? Он может прилететь каждую минуту.

- Он прилетит позднее, когда взойдет луна. Ему сейчас невыгодно лететь.

Майор осторожно берет меня за плечи и ведет куда-то. По сторонам чудятся деревья. Я всматриваюсь. Это действительно деревья. Потом мы останавливаемся под навесом из ветвей, которые висят на веревках. Теперь видны не только куски неба, но становится виден горизонт.

- Садитесь здесь, - говорит майор.

Мои колени прикасаются к скамейке, а руки нащупывают стол. Я сажусь. Майор представляет меня.

- Маруся, дайте нам чаю, - говорит майор.

Я вижу белый фартук, а за ним очертания чего-то большого. Через минуту "оно" оказывается автобусом-столовой, а рядом со мной за столом сидят не менее десяти человек в кожаных пальто и пилотках набекрень. Нам подают чай, и мы беседуем.

Вчера летчик эскадрильи лейтенант Киселев протаранил "хейнкеля". Спускаясь на парашюте, он зацепился за дерево и немного поранил лицо. Сейчас он в госпитале. За столом говорят о его подвиге, о принципах применения тарана и о том, кто первый его применил.

- Первый протараненный самолет в истории был австрийский самолет, - говорит майор, - и протаранил его русский летчик капитан Нестеров. Он протаранил его и сам погиб.

- Это было в тысяча девятьсот пятнадцатом году, - говорит кто-то.

- Нет, это было в тысяча девятьсот четырнадцатом году, - строго поправляет майор. - Нестеров протаранил австрийца и сам погиб. Он был великий летчик.

- Он первый сделал мертвую петлю, - говорит еще кто-то.

- Но штука в том, - перебивает майор, - чтобы протаранить немца и не погибнуть. И еще лучше - спасти самолет.

В голосе майора звучит педагогическая нотка. Я спрашиваю, выгодно ли жертвовать самолетом и летчиком, чтобы сбить самолет противника.

- Да, это выгодно, - говорит майор, - но еще лучше, уничтожив противника, спастись самому и спасти самолет.

- Даже если погибнуть и погубить самолет, все равно это выгодно, - говорит чей-то голос. - Во-первых, с вами погибнут четыре врага или даже пять, если это "хейнкель". Во-вторых, бомбардировщик стоит гораздо дороже, чем истребитель. И там очень много дорогих навигационных приборов. Но самое главное, что он уже не сбросит бомбы над Москвой и можно спасти много людей.

- Это правильно, - подтверждает майор, - но нужно таранить так, чтобы спастись самому и спасти самолет. И таранить только тогда, когда уже нечем стрелять.

Киселев протаранил "хейнкеля" на высоте тысячи восьмисот метров. Он отрубил ему пропеллером кусок крыла. Еще за несколько дней до этого летчик соседней эскадрильи Талалихин отрубил "юнкерсу" часть элерона.

Самое поразительное, что летчики говорят об этом сверхгероизме деловито, как об общепризнанном виде оружия. "Он протаранил самолет" говорится так же, как "он подстрелил самолет".

- На горизонте небольшой пожар, - говорю я.